

Г. И. ГЕРОВСКИЙ

О СПЕЦИФИКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ
У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН*

1. Характер литературного двуязычия у восточных славян после принятия христианства и появления на их территории старославянских книг определяется тем, что наряду с деловым языком, традиция которого восходит к истокам древнерусской государственности («Русская земля»), стал употребляться церковнославянский язык с древнерусским произношением и сохранением старославянских типов склонения и спряжения. Вошли в употребление старославянские термины и слова культурного обихода; отчасти это были кальки с греческого, сохраняющиеся и сейчас в русской литературной речи (*подчинать* — *υποτάσσω* при *τάξις* — ст.-слав. *чинъ*; *согласие* — *συμφωνία* при *φωνή* — *гласъ*; *совесть* — *συνείδησις*; *прилежание* — *ἐπιμέλεια*). Вместе с тем усваивалась разработанная в старославянском языке стилистика: стали употребляться готовые соединения слов, обороты речи, присмы изложения. При этом еще отчетливее сказывалась ограниченность унаследованной деловой речи рамками права, государственной и городской жизни. Школьное чтение букв, единообразное для всех областей в древней Руси, включая и Новгород (а начало школы восходит ко времени Владимира), привело к унификации при чтении писанных текстов и отпечатлелось в написаниях позднейшего времени (XII — XIV вв., после так называемого падения глухих во второй половине XII в.); след «школьного» произношения сохраняется и в современном языке: *восток* (из *въстокъ*, где и первое *ъ* должно было исчезнуть), *событие*, *собирать*, *собор* (при *сбирать*, *сбор*), *совет*.

2. При формировании русского литературного языка XVIII в. церковнославянская традиция сказалась в подборе слов, в принятии в качестве литературного в определенных случаях славянизированного произношения (отсутствие *ѣ* и до сих пор в словах из старославянского: *совершенный*, *современный*, *надменный*), сохранение церковнославянских *щ*, *жд*: *обещать* при *отвечать*, *вещать*, *невежда*, *одежда*), в суффиксальных образованиях (*строение*, *задание*, *избежание*, *шестствие*, *последствие*, *возмездие*), в искусственности причастий (*-ущий*, *-ющйй*, *-ащйй*, *-ящйй*, что было перенесено и на прилагательные: *злющйй*, *большующйй*), в церковнославянском виде наречий и союзов (*прежде*, *между*, *вследствие*). При подборе слов предпочитали унаследованные церковнославянизмы, оставляя в пренебрежении весьма удобные слова диалектного состава архаических народных говоров; касалось это не только звукового вида слов (*сладкий* — *солодкий*; *власть*, *владелец*; *сморд* — *смородина*; *мрак* — *морочить*, *обморок*; *время* — *веремья*), но и словарного состава вообще (диалектные слова попали главным образом из говоров, расположенных близко к центру.

* О т р е д а к ц и и. Заметка ныне покойного доцента Г. И. Геровского «О специфике литературного двуязычия у восточных славян» была прислана в редакцию после опубликования в № 3 журнала за 1958 год (стр. 42—45) ответа А. В. Исаченко на вопрос, поставленный к IV Международному съезду Советским комитетом славистов — «Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?» (вопрос № 3). Ответ Г. И. Геровского пришел со значительным опозданием и потому не мог быть включен в «Сборник ответов на вопросы по языкознанию» (М., 1958).

ср. *глаз, бросать*). Здесь проявился известного рода аристократизм соответственно навыкам речи привилегированных сословий, на которые ориентировались писатели. Результатом является нынешнее состояние русского литературного языка при 50%-ном составе церковнославянских слов. Новые слова (искусственно созданные неологизмы) образовывались по церковнославянскому образцу (в том числе и кальки): *соответствие, сумасшествие, восхищение, умалишенный, соразмерный, восторг, принуждать, награждать, нагромождать* и также *убеждать* (*convaincre*).

3. Терминологическое использование церковнославянизмов приняло широкие размеры, стало в русском литературном языке правилом. Церковнославянский вид имеют многочисленные термины различных отраслей науки (*воспаление, повреждение, млекопитающее, пресмыкающееся, насекомое, равенство, равновесие, затмение, охлаждение*). Вновь возникающие термины создаются по тому же принципу. Унаследованный состав старославянских слов и искусственно образованных по тому же образцу неологизмов неизгладим в русском литературном языке. Следы их находим и после новейших реформ в правописании (*ладья, расти при лодка, рос, рост; расписка при роспуск, роспись; дождь, дождик; недавнее дрожжи, теперь дрожжи* и др.).

4. Между тем как церковнославянский слой генетически является неотъемлемой частью русской образованной речи, французское двуязычие оставило гораздо менее заметные следы. «Неправильные галлицизмы» оказывались неразгаданными германизмами (*sens froid — хладнокровный — kaltblütig*). Галлицизмы типа *сержант, лейтенант, майор, генерал, жандарм, бюро, профессор, лекция, университет* попадали в русский язык отчасти через немецкие уста (*Leutnant, Major, General, Professor, Universität*) после того, как они успели стать общеевропейским достоянием. Такие слова, как *гений, гениальный*, воспроизводят латинское *genius* (соответственно с немецким *Genius, genial*, наряду с которым имеется и *Genie* с французским произношением *ж*). Особо нужно отметить терминологические слова греческого происхождения, попавшие в русский литературный язык через немецкое посредство. Рядом с унаследованными от старины греческими словами, воспроизводящими греческий звуковой вид (*кафедра, кровать, кивот, киноварь*), стоят терминологические слова с обычной в немецком передаче греческих звуков (*лейкоциты* вместо *левко-*, *гипотеза, генезис, изоглосса*, где греческое *с* передано через *з*). Иногда такие слова, первоначально имевшие греческую огласовку (*виглиофика* XVIII в.), были «исправлены» на латинско-западноевропейский лад (*библиотека* XIX в.), причем порой лишь отчасти (совсем недавно *хрестоматия*, теперь *хрестоматия*; ср. также *арифметика*, но *математика*). То же касается и имен греческих писателей (*Омир* XVIII в., *Гомер* XIX в.). Уже И. В. Ягич обратил в свое время внимание на непоследовательность такой передачи греческих слов и имен с нарушением традиционной их передачи в старославянском и древнерусском соответственно греческому произношению IX—XI и последующих веков. Отдельно стоят греческие слова, легшие в основу названий мер и весов, возникших в конце XVIII в., в эпоху французской революции (*декаграмм, метр*); в них наблюдается замена греческого *х*, несвойственного французскому языку, через *к* (*кило* из греч. *χίλιοι* «тысяча»).

5. Особо должен рассматриваться вопрос об искусственно созданных словах (неологизмах) в русском литературном языке. Искусственные слова — это один из путей развития каждого литературного языка. В русском языке они создавались по образцу унаследованных от старины слов старославянских. Почти все кальки по звуковому виду, как уже сказано; являются «церковнославянизмами» (*средство* — нем. *Mittel*, франц. *moyen*; *восприятие* — *perception, Wahrnehmung*; *возрождение* — *régénération, Wiedergeburt*; *образование* — *Bildung*; *современный* — *contemporain*; *предопределение* — *prédestination, Vorherbestimmung*; *предприятие* — *Un-*

ternehmen, entreprise; предрассудок — Vorurteil, préjugé). По этому образцу было создано множество искусственных новообразований, которые не являются кальками в прямом смысле. Особенно много подобного рода прилагательных (ср. *самостоятельный — selbständig; приятный — angenehm, agréable; предусмотрительный — vorsichtig, prévoyant; преждевременный — vorzeitig*), в том числе и в значении наречий (*собственно — eigentlich, propre*). В слове *выдающийся — hervorragend, éminent* употреблена русская приставка *вы-* вместо *из-*, ибо последняя была применена уже в другом термине: *издание — édition*. Использование в подобных прилагательных суффиксов *-тель-, -ьн-* (*значительный — bedeutend, important, сознательный, поместительный, исключительный*) указывает на их искусственность по сравнению с такими, как *дейтельный, доброжелательный, карательный*, где рядом стоят существительные с тем же суффиксом (*-тель*). В отдельных случаях трудно различать между возможным французским и немецким образцом, так как и немецкий язык, формируясь в XVIII в., подвергался, как известно, французскому влиянию. Подобным образом в русском литературном языке появилось множество искусственных новообразований, которые не являются кальками в прямом смысле [ср. *впечатление* в соответствии с нем. *Eindruck*, франц. *impression* впервые как психологический термин у Н. Грота (1879—1880); к нему производное прилагательное *впечатлительный*]. Что касается выражений *виду того, в силу того, вследствие этого*, то и тут параллели находим в обоих упомянутых западноевропейских языках: *en vue de, angesichts dessen, à force de, kraft dessen, par suite de, infolge dessen* и по тому же образцу — *в связи с чем*, появившееся, как упомянуто, вследствие общего направления развития стилистики.

6. Рассматривая наш вопрос, следует иметь в виду, что мы имеем дело со словами, отсутствующими в народных говорах и входящими в состав всех современных европейских литературных языков, которые развивались сходным образом. Это касается соединений слов и целых оборотов речи, одинаково употреблявшихся в указанных языках. Вопрос этот еще не был предметом исследования. Но уже и теперь можно указать первоначальный источник, давший толчок к оформлению литературных языков Западной Европы в эпоху Ренессанса. Это среднегреческий литературный язык того времени, на котором были написаны книги, занесенные бежавшими после падения греческой империи и завоевания турками Константинополя (1453 г.) греческими учеными, вызвавшими, как известно, возрождение в Италии и Западной Европе. Некоторые книги на среднегреческом языке были изданы в Риме. Пишущему эти строки приходилось заметить, читая подобные тексты, что синтаксические соединения слов и обороты речи в них не соответствуют древнегреческому синтаксису, однако совпадают во многом с тем, что со времен Ренессанса стало достоянием начавших тогда формироваться литературных языков Запада. Путь распространения был: Италия → Франция → Германия. Такой путь распространения нашел отчасти отражение и в графике: в итальянское в письме (в печатных изданиях XVI в.) — в немецкое (употребляемое в немецком письме до сих пор и заменившее др.-в.-нем. *z* в значении кириллического *с*) — *sz* мадьярское (где оно тоже заменило *z* в том же значении); *z* итальянское (в значении *ц*) — *z* немецкое (в том же значении). К этому нужно добавить, что и словосочетания при помощи родительного падежа не могут всегда считаться галлицизмами, имея свое соответствие в старославянском (*духъ истини*) и греческом (*τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας*).

В формировании русского литературного языка, следовательно, имела большое значение традиция двуязычия, лежавшая в основе всего его развития, а также причастность его с XVIII в. к сфере завершавшегося процесса оформления литературной речи западноевропейских народов.